

Т. Н. Попова (Набережные Челны)

ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЗАПАДНОРУССКИХ ГОВОРОВ

Суффиксальное субстантивное словообразование и в русском литературном языке, и в диалектах характеризуется многообразием словообразовательных типов, среди которых широко представлены имена с общеславянскими формантами *-ость*, *-ство*, *-ние*, *-тель*.

Лингвогеографические данные свидетельствуют, что особенно активно распространились имена на *-ость*, *-ство* в западнорусских говорах. Мы полагаем, что этому способствовало влияние не только русского литературного, но и польского языка. «Изоморфизм словообразования в русском и польском языках проявляется прежде всего в плане основных средств деривации, а также характера и направленности процессов и отношений» [1, с. 9]. Подтверждение подобного параллелизма обнаруживается не только на уровне словообразовательных систем литературного языка, но и в диалектной среде, ареально контактирующей с польской территорией. Это касается, прежде всего, западнорусской группы говоров. СРНГ фиксирует значительное количество имен на *-ость*, *-ство*, *-ние*, распространившихся в западнорусских говорах под несомненным польским влиянием и сохранивших как словообразовательную форму, так и словообразовательное и лексическое значение, свойственное польскому языку и не представленное в русском литературном языке.

Так, например, если в польском языке имена на *-ość* не имеют стилистической маркированности, то в русском литературном языке изначально суффикс *-ость* был свойствен только книжным стилям, он проник в диалектное словопроизводство в связи с нарушением стилистической замкнутости отвлеченных имен. Но и среди этих субстантивов в диалектах прослеживается тенденция к конкретизации значений, известная русскому языку еще с древнерусского периода (в польском она также отмечена), сопровождающаяся приобретением именами на *-ость* плюральных форм, ср.: *неполезность* – ‘ненужный предмет’; *дурость* – ‘гниль’. Материалы СРНГ представляют следующие параллели: *особливість* – ‘особенность, отличительное свойство’ (Смол., 1914) – *osobliwość* – ‘особенность, своеобразие, необычайность’; *пришłość* – ‘будущность’ (Зап.) –

przyszłość – ‘будущее’; *людность* – ‘большое количество людей’ – *ludność* – ‘население’ и др.

Субстантивам на *-ство/-stwo* и в русском литературном, и в польском языке присуща вторичная глагольная мотивация (*капризанство* ← *капризани́ть*) – ‘капризы’ (Пск., 1919–1934). Зачастую дериваты на *-ство*, возникшие в западной группе говоров, не фиксируются в русском литературном языке, но имеют соответствия в современном польском, и это, на наш взгляд, свидетельствует об их заимствованном характере: *збойство* – ‘драка, убийство’ (Смол., 1914, Зап. Брян.) – *zabójstwo* – ‘убийство’; *малженство/малжонство* – ‘супружество, брак’ (Зап., Сл. Акад. 1931) – *małżeństwo* – ‘супружество, брак’; *блаженство* – ‘шутовство, балагурство, повесничание’ (Зап., Смол. 1853) – *blażeństwo* – ‘шутовство’; *перуенство* – ‘превосходство, первенство’ (Смол., 1914) – *pierwszeństwo* – ‘первенство, предпочтение’; *послушенство* – ‘послушание’ (Зап.) – *posłuszeństwo* – ‘послушание, повиновение’; *глупство* – ‘1. глупость’ (Смол. Пск. 1919–1934); 2. незначительное, небольшое количество чего-либо; пустяк, безделица’ (Смол. Пск. 1919–1934) – *głupstwo* – ‘1. глупость; 2. пустяк’; *кушнерство/кушництво* – ‘скорняжное ремесло’ (Сл. Акад. 1847) – *kuśnierstwo* – ‘скорняжное дело’.

Отмечены и случаи параллелизма с суффиксами *-ние (-нье)/-ние, -тель/-ciel*, ср.: рус. диал. *поваженье* – ‘уважение, почет’ (Пск., Смол., 1919–1934) – пол. *roważanie* – ‘уважение, почет’; *научитель* – ‘учитель, наставник’ (Смол., 1914) – *nauciciel*

Примечательны случаи межславянской суффиксальной синонимии: *-ство/-nie: выхованство* (Смол., 1914) / *wychowanie* – ‘воспитание’; *-ость/-stwo: плюгавость / plugastwo* – ‘мерзость, гадость, пакость’; *-ость/-ota: брыдкость / brzydota* – ‘безобразие, уродство’.
Случаи семантизации: *райство* – ‘государство, общество’ – *панство* – ‘барство’ (Смол., 1854), ‘хорошая, роскошная жизнь’ (Зап. Брян., 1957); *малеństwo* – ‘малютка’ – *малество/малетство* – ‘детство’ (перенос ‘лицо’ – ‘нелицо’ как проявление абстрагирования).
Более того, в западнорусских говорах представлены субстантивы от глаголов, заимствованных из польского языка, при этом в польском имеются только сами глаголы без именных соответствий, например: *мордованье* – ‘1) мучение, истязание; 2) бестолковщина, неразбериха’ ← *мордоваться* (пол. *mordować*), *вартованье* – ‘охрана, обереганье’ (Смол. со ссылкой на пол. *wartować*), *коштованье* –

‘1) легкая, богатая жизнь; 2) содержание, питание’ ← коштовать – ‘иметь цену’ (Яросл., Волог., Смол., Зап. Брян.) (пол. *kosztować*).

Богатство семантики (*nomina actionis, nomina agentis, nomina abstracta*), переходность значений от чисто абстрактного до вполне конкретного подтверждает мысль Г. А. Николаева о том, что «в истории этих суффиксов тесно переплелись их общеславянская генетическая основа и старославянское функциональное начало» (см. Г. А. Николаев 1987).

Столь многочисленные случаи параллелизма в польском языке и русских говорах объяснимы потому, что, по утверждению В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, «в словообразовательных системах таких близкородственных языков, как славянские, сходных черт, естественно, неизмеримо больше, чем черт различных, и различия эти касаются более или менее частных и периферийных сторон этих систем. Основной фонд способов словообразования, формантов и выражаемых ими словообразовательных значений, составляющий центр этих систем, в славянских языках един» [2, с. 169]. Такие слова или являются исконно диалектными, или возникли в говоре под влиянием литературного языка, но в соответствии с нормами говора. Однако в обоих случаях они показательны для словообразовательных норм говора.

Полагаем, что отмеченные случаи показательны не только в плане изучения взаимодействия русской диалектной и литературной деривационной системы, но и «в аспекте сопоставления внутриязыковых и межъязыковых тенденций, универсальных и индивидуальных особенностей родственных языков» [2, с. 6]. Диалектный материал позволяет укрепиться во мнении, что «большинство суффиксов имен существительных в русском и польском языках имеют генетическую общность, восходят к общеславянскому языковому состоянию или возникли уже в историческую эпоху в обоих языках как закономерное проявление общеславянских тенденций. Таковы суффиксы <...> *-ость/-ość, -ство/-stwo, -тель/-ciel, -ние/-nie*» [1, с. 23].

1. Маркаръян Н. Е., Николаев Г. А. Сопоставительное словообразование и формобразование русского и польского языков. Казань, 1990.

2. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языкознание (IX Межд. Съезд славистов: Доклады советской делегации). М., 1983.